

ИСТОРИЯ

Л.Б. Гмыря

ЯВЛЕНИЕ ДВОЕВЕРИЯ В СРЕДЕ НЕСВОБОДНОГО НАСЕЛЕНИЯ «СТРАНЫ ГУННОВ» ПРИКАСПИЯ (VI–VII вв.)

Население Западного Прикаспия («страна гуннов» письменных источников), подвергалось целенаправленной христианизации в период раннего средневековья. По данным древнеармянских и сирийских авторов восстанавливаются хронология и содержание четырех этапов миссионерской деятельности армянской и албанской церквей среди племен гуннского круга: 30-е гг. IV в.; сер. V в.; первая пол. VI в.; 80-е гг. VII в. (Гмыря Л.Б., 2000 а. С. 32–34).

Факты ранней христианизации населения Западного Прикаспия неоднократно рассматривались в исторической литературе. Главное внимание в исследованиях уделялось хронологии событий, установлению стран – идеологических инициаторов христианизации северо-кавказского населения, выявлению путей проникновения христианства в регион. Предпринимались попытки определения как внешних, так и внутренних причин христианизации на каждом из этапов, а также анализировались обстоятельства, приводившие к срыву миссионерской деятельности (Услар П.К., 1869; Пигулевская Н., 1941; Шихсаидов А.Р., 1957; Артамонов М.И., 1962; Еремян С.Т., 1939; Тревер К.В., 1959; Гадло А.В., 1979; 1980; 1986; Новосельцев А.П., 1990; Магомедов М.Г., 1979; 1983; 1986; Кузнецов В.А., 2000; Гмыря Л.Б., 1995; 2000а; 2002 в).

Однако в исторической литературе не получил оценки вопрос о явлении двоеверия среди части населения «страны гуннов» Прикаспия, сведения о котором имеются в источниках VI–VII вв., хотя, как проблемный, он был поставлен (Гмыря Л.Б., 1995. С. 247). В источниках речь идет об ориентации христиан, живших среди местного населения «страны гуннов», одновременно на христианство и гуннское язычество.

Сущность явления двоеверия раскрыта в «Истории страны алван» албанского историка Мовсеса Каланкатуаца (VII в.). Рассказывая о пребывании в 682 г. в «стране гуннов» албанской христианской миссии, автор указал, что ее глава – епископ Израил, знакомясь с религиозными устоями ее населения, заметил, что часть горожан столичного г. Варачана исповедовала своеобразную религию. В переводе источника С.В. Смбацяном это явление обозначено как «раздвоение веры»: «Он слышал много богохульств и видел суеверие несчастного, но приветливого народа. Он был огорчен и опечалился, увидев множество зла и раздвоение веры, ибо были люди, которые называли себя богопоклонниками, но отреклись от силы [Бога] и были чужды ей» (Мовсес Каланкатуаца, 1984. Кн. II. Гл. XXXIX. С. 124). В других изданиях термин «раздвоение веры» не употреблен, но содержание этого явления передано: «...видя, и слыша богохульства и человекоугодливую веру несчастного народа, он скорбел и плакал об их страшном бедствии, и сомнительной религии тех, которые называя себя Богопоклонниками, отвергали высшую силу, и удалялись от нее» (Мовсес Каланкатуаца, 1861. Кн. II. Гл. XXXIX. С. 192.); «Он ... слышал и видел самонадеянную [presumption] и самоудовлетворенную [self-indulgent] религию несчастного народа и был огорчен и опечалился, увидев сомнительную веру [doubtful faith] тех людей, кто называл себя поклонниками Бога [worshippers of God], т.к. они отказались от его силы (власти) [power] и придумали другого [invented another]» (Мовсес Каланкатуаца, 1961. В. II. Ch. XXXIX. P. 155).

Из этой информации автора следует, что в «стране гуннов» имелись наряду с

язычниками и приверженцы христианского вероучения («называли себя богопоклонниками»). Их происхождение, обстоятельства и время принятия ими христианства в источнике не раскрыты. Известно только, что в г. Варачане действовал христианский храм, обозначенный автором «Истории страны алван» как «Господний дом» [The House of the Lord] (*Мовсес Каланкатуацци*, 1861. Кн. II. Гл. XL. С. 194; *Мовсес Каланкатуацци*, 1984. В. II. Ч. XL. С. 125; *Мовсес Каланкатуацци*, 1961. Кн. II. Гл. XL. Р. 156). В христианском храме, где собрались все горожане, епископ произнес свою первую проповедь. Автор подчеркнул, что аудитория состояла как из вельмож [nobles], так и простолюдинов («рамики», «челядь» [commoners]) (*Мовсес Каланкатуацци*, 1861. Кн. II. Гл. XL. С. 125; *Мовсес Каланкатуацци*, 1961. В. II. Ч. XL. Р. 156; *Мовсес Каланкатуацци*, 1984. Кн. II. Гл. XL. С. 125).

Существование христианского храма и населения, признающего себя христианами, при господстве в «стране гуннов» языческих верований демонстрирует особое положение христиан и относительную свободу вероисповедания иноконфессионального населения.

Этот разряд населения «страны гуннов» особо заботил христианского миссионера епископа Исраила («Он был огорчен и опечалился»). Религиозное состояние двоеверия христиан проявлялось в их «отречении от силы [Бога]». Содержание этого явления частично раскрыто в отдельных пассажах текста первой проповеди епископа Исраила, прочитанной перед горожанами. Обращаясь, видимо, к христианской части аудитории, епископ говорил: «Оставьте отныне свои скверные верования и не поклоняйтесь больше творениям, ибо все это от дьявола и губит души. Ибо никто не может служить одновременно двум господам, никто не сумеет одновременно испить чашу Господа и чашу дэвов и невозможно отвесть от стола Господа, отведав в то же время от стола дэвов. Да забудет Бог грехи ваши, совершенные сознательно или несознательно, и да ввергнет вас в горнило познания в назидание справедливости» (*Мовсес Каланкатуацци*, 1984. Кн. II. Гл. XL. С. 125). В других изданиях содержание пассажа то же: «Оставьте с этих пор вашу скверную веру, не поклоняйтесь творениям, ибо все это от дьявола, и губит души; ибо никто не может служить двум господам, и никто не может пить чашу Господа и чашу бесов; нет возможности вкушать от стола господина и от стола бесов. Да не помянет Бог ведомые и неведомые грехи ваши» (*Мовсес Каланкатуацци*, 1861. Кн. II. Гл. XL. С. 194); «Никто не может служить одновременно двум господам [No one can serve two masters]. Никто не сумеет одновременно испить чашу Господа [No one can drink of the cup of the Lord] и чашу дьявола [and the cup of the devils]; невозможно отвесть от стола Господа [there is no means of catinq at the table of the Lord] и стола дьявола [and the table of the devils]» (*Мовсес Каланкатуацци*, 1961. В. II. Ч. XL. С. 157.).

В источнике явно говорится о двойственном характере религии какой-то группы населения «страны гуннов». Считая себя христианами, они одновременно поклонялись языческим символам, т.е. являлись приверженцами и местного язычества.

По данным Мовсеса Каланкатуацци, религиозная система «страны гуннов» в 80-е гг. VII в. включала поклонение священным объектам и силам природы (солнце, луна, огонь, вода, земля), священным персонажам (Боги Тенгри-хан, Куар, дорог, женское божество, священный персонаж Аспандиат), культовым объектам (священные деревья, храмы, идолы, святилище) и предкам (*Артамонов М.И.*, 1962. С. 187–188; *Федоров Я.А.*, 1972. С. 23–24; *Гадло А.В.*, 1979. С. 144–149; *Кляшторный С.Г.*, 1981. С. 64; 1984. С. 18–22; 2002. С. 265–267; *Плетнева С.А.*, 1986. С. 33–34; *Новосельцев А.П.*, 1990. С. 144–146; *Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 10–11; 1986. С. 90–108; 1995. С. 219–243, 259–268; 1999. С. 182–192; 2000б. С. 163–187; 2002 г. С. 33–42). Язычество в «стране гуннов» Прикаспия носило синкретический характер, оно включало основные религиозные символы кавказского земледельческого населения и степных насельников времени Великого переселения народов.

Именно к слушателям, придерживающимся двоеверия, обратился епископ Исраил в конце своей проповеди, назвав их «грешными ослушниками» (грешники, не-

покорные грешники) и указав, что только Бог «... в силах снять тяжкое бремя страданий и вечного ада с грешных послушников, которые столь же нечестивы, сколь и язычники» (*Мовсес Каланкатуаци*, 1984. Кн. II. Гл. XL. С. 127); «... может снять тяжелое бремя мучений и вечной геены от грешников, которые также нечестивы, как и язычники» (*Мовсес Каланкатуаци*, 1861. Кн. II. Гл. XL. С. 198); «... кто один может снять тяжелое бремя [the heavy burdens] мучений [of torment] и вечный ад [hell eternal] с непокорных грешников [disobedient sinners], которые также ужасны [ungodly] как язычники [heathens]» (*Мовсес Каланкатуаци*, 1961. В. II. Ch. XL. С. 159).

Происхождение христианского населения в языческой «стране гуннов» раскрывается по данным сирийского хрониста середины VI в. Псевдо-Захарии Митиленского.

Псевдо-Захария, в отличие от многих других историков VI в., главным образом византийских, сообщавших различные данные о племенах Северо-Восточного Кавказа (*Гмыря Л.Б.*, 1995. С. 54–57, 95–96), затронул вопрос о религии полиэтнического населения этого региона. Он указал в «северной стороне», имея в виду Восточное Закавказье и Северо-Восточный Кавказ, пять «верующих народов», т.е. исповедующих христианство, и тринадцать «народов»-язычников. Сведения Псевдо-Захарии датируются 555 г. (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 81). К верующим народам сирийский автор отнес население Персидской Армении, «земли Гурзан» (Грузия), «земли Аран» (Кавказская Албания), «земли Сисган» (область Сиуник в Армении), в которой отмечены и язычники, и «земли Базгун» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 165; *Пигулевская Н.*, 1941. С. 82). Территория христианского мира Закавказья ограничена автором на севере «Каспийскими воротами» (Дербентский проход) (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 82).

Прибрежную полосу Северо-Восточного Кавказа, включавшую «Каспийские ворота» и земли к северу от них, автор обозначил обобщенным определением «пределы гуннские» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 165). Раскрывая его содержание, он назвал тринадцать схожих по образу жизни племен, живших в этих областях: «... Базгун земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами [живут] бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский; у них есть города и аланы у них пять городов... Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирругур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 165). Идентификация названных Псевдо-Захарией этнонимов восстанавливается по другим источникам (См.: *Пигулевская Н.*, 1941. С. 83; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 97–98). Анализ данных автора показывает, что им были помещены в «пределы гуннов» VI в. некоторые племена, местоположение которых находилось в это время в Приазовье (куртаргар), а также на юго-западе Средней Азии (эфталиты). Им названы также «сиругуры» (сарагуры), утратившие в VI в. свою самостоятельность, и «авары», впервые отмеченные источниками в пределах Северного Кавказа в 558 г. (См.: *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 98–104).

Приведенные Псевдо-Захарией основные характерные черты их быта – «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 165), свидетельствуют о том, что в источнике речь идет о номадах Северо-Восточного Кавказа. Н.В. Пигулевская полагала, что в этом перечне переданы племенные названия гуннов и родственных им племен (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 10).

Религиозная и культурная характеристика, данная Псевдо-Захарией одному из народов этого перечня, «бургарам» – «народ языческий и варварский», может быть распространена и на все другие перечисленные им племена. Территория, расположенная к северу от стран Закавказья, обозначена автором «областью языческих народов» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166). Ранее нами было высказано ошибочное положение о причислении «пределов гуннских» Псевдо-Захарии к пяти христианским областям «северной стороны» (*Гмыря Л.Б.*, 1995. С. 96; 2002а. С. 168). Несомненно, автор относил территорию Северо-Восточного Кавказа, расположен-

ную к северу от «Каспийских ворот», к области языческих племен.

«Пределы гуннские» VI в. идентифицируются многими авторами как гунно-савирский (савирский) союз племен Северо-Восточного Кавказа (См.: *Пигулевская Н.*, 1941. С. 87; *Артамонов М.И.*, 1962. С. 69–79; *Гадло А.В.*, 1979. С. 93–94; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 72–73, 76–80; *Новосельцев А.П.*, 1990. С. 82–83; *Гмыря Л.Б.*, 1995. С. 95–96; 2002 б. С. 168). Гунно-савиры как этнополитическое объединение заявили о себе грандиозным походом через «Каспийские ворота» на Армению и области Передней Азии в 516 / 517 г. (*Феофан Исповедник*, 1980. С. 49). Этнически савиры не отличались от гуннов, что отразилось в наименовании их в первоначальный период двойным этнонимом «гунны-савиры» (*Проконий Кесарийский*, 1876. I. Кн. I. Гл. XV. С. 180–181; *Проконий Кесарийский*, 1950. Кн. VIII. 18.10. С. 432; *Агафий*, 1953. Кн. III. 17–18. С. 88; *Феофан Исповедник*, 1980. 516/517. С. 49). Со второй половины VI в. эти племена обозначены византийскими авторами, как правило, савирами (*Менандр Византиец*, 1860. 43. С. 411; 44. С. 415–416; *Феофан Византиец*, 1860. 4. С. 494; *Феофилакт Симокатта*, 1957. Кн. VII. VII. С. 160).

Византийские и сирийские авторы для первой половины VI в. отмечали многочисленность гуннов-савир и разделенность их на множество племен (*Проконий Кесарийский*, 1950. 11. 22–24. С. 407; *Агафий*, 1953. Кн. IV. 14. С. 117). В 20–30-е гг. VI в. в Восточном Предкавказье сформировался союз гунно-савирских племен, что нашло отражение в сообщениях византийских историков. Правитель одного из крупных подразделений гуннов-савир Зилгивин, с которым в 522 г. вел переговоры Юстин I (518–527), назван в «Хронике» Феофана Исповедника титулом «царь гуннов» (*Феофан Исповедник*, 1980. 522. С. 50). Византийским авторам была известна правительница кавказских савир Боарикс, возглавившая после смерти своего мужа Валаха 100 тыс. союз племен. В 527/528 г. она вела переговоры о союзе с византийским императором Юстинианом I (527–565). Во внутренних пределах «страны гуннов» находились владения, возглавляемые и другими вождями савир (*Феофан Исповедник*, 1980. 527/528. С. 50). Савирские племена активно участвовали в ирано-византийских войнах VI в. За платное военное содействие они поддерживали обе враждующие стороны (*Гмыря Л.Б.*, 2002б. С. 166–167). Последнее свидетельство о гуннах-савирах в византийских источниках датируется 578 г. (*Менандр Византиец*, 1860. 52. С. 437).

Свидетельство Псевдо-Захарии о языческой сущности религии племен «пределов гуннов» напрямую относится к савирскому союзу племен. Анализ текста источника показывает, что этногеографический экскурс с описанием народов и племен «северной стороны», предпринятый Псевдо-Захарией в начале седьмой главы, является, по существу, введением к основному повествованию автора о просветительской деятельности двух албанских епископов в «земле гуннов», в «области языческих народов».

В литературе данные Псевдо-Захарии о просветительской деятельности албанских епископов в «земле гуннов» интерпретируются как свидетельства христианизации какой-то части номадов Северо-Восточного Кавказа (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 86; *Шихсаидов А.Р.*, 1957. С. 60–61; *Гадло А.В.*, 1979. С. 94; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 83; *Гмыря Л.Б.*, 1995. С. 246; 2002б. С. 168). Однако анализ данных источника показывает, что основная цель миссии епископа Кардоста состояла в крещении потомков византийских подданных, попавших в плен к прикаспийским гуннам или купленных ими на рабских рынках Востока. На материалах сирийского источника возможна реконструкция некоторых поведенческих механизмов, выработанных несвободным населением инокультурных традиций и иноконфессиональной принадлежности в процессе адаптации его к идеологии местного языческого населения «страны гуннов».

При составлении «Хроники» (570–571 гг.) Псевдо-Захария использовал ряд источников, преимущественно греческие сочинения. Основным из них является греческая «Церковная история» Захарии Ритора, епископа Митиленского (ок. 480 – ок. 560 гг.). Глава 7 двенадцатой книги, заключающая текст «Хроники», написана самим

Псевдо-Захарией (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 5). Ценность этой части труда сирийского автора состоит не только в характере содержащейся в ней информации (демографическая ситуация в Прикаспии, особенности христианизации населения), но и в том, что эта информация практически современна автору текста и воспроизведена им со слов очевидцев событий.

Рассказ о просветительской деятельности в «стране гуннов» двух епископов – «Кардоста, епископа земли Аран» (Кавказской Албании), и епископа «по имени Макара» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166) был записан Псевдо-Захарией со слов двух жителей города Амида, выходцев из Сирии, проживших в неволе у гуннов Прикаспия 34 года. Автор, ссылаясь на своих информаторов, описал перипетии их судьбы: «Я сообщу, как я слышал от правдивых мужей Иоханана из Рейшайна, находившегося в монастыре Бет Айсхакуни, у Амида, и от Томаса кожевника, уведенных в плен [при] Каваде перед тем лет за пятьдесят или больше. Они были вновь проданы и отправились из пределов персидских в гуннские, прошли за ворота и оставались в их земле больше тридцати лет, взяли жен, породили там детей. Они вернулись в настоящее время и рассказали нам живыми словами следующее» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166).

Датировка событий, описанных Псевдо-Захарией, восстанавливается на основе конкретных данных и косвенных указаний автора. Время написания текста передается в источнике через понятия, указывающие на современность творчества автора: «наше время», «наши дни», «настоящее время» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 165–167). В начале авторского текста имеются конкретные указания на дату его написания – 28 год «царствования Юстиниана, сидящего царем в наши дни» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 165). Византийский император Юстиниан I правил в период с 527 по 565 г. Н.В. Пигулевская определила время написания сирийским автором текста седьмой главы двенадцатой книги как 555 г. (527 г. + 28 лет). Из этой отправной даты вытекает хронология и всех других событий, описанных в этой главе: 1) 505 (503) г. – начало пленения подданных Византии («при Каваде», «лет за 50 или больше») (555 г. – 50 лет). Н.В. Пигулевская приняла за дату пленения информаторов Псевдо-Захарии 503 г., как год осады персами г. Амида, где были захвачены сирийцы (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 84, 87); 2) 537 г. – конец пленения («они оставались в их земле 34 года») (503 г. + 34 г.); 3) 537 г. – начало миссии епископа Кардоста в «страну гуннов» (через 34 года пребывания пленников у гуннов) (503 г. + 34 года) (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 87); 4) 551 г. – окончание миссии епископа Кардоста («через 14 лет он (Кардост) ушел») (537 г. + 14 лет); 5) 544 г. – перевод Библии («Писания») на «гуннский язык» («лет 20 тому назад», «оставались там 7 лет и выпустили писание на гуннском языке») (537 г. + 7 лет) (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 87); 6) 551 г. – начало миссии епископа Макара.

По вопросу датировки событий этих миссий албанских епископов в «страну гуннов» и связанных с ними событий исследователями высказаны и другие суждения. Однако, принятие в качестве отправной даты 522 г. – года визита по Покопию Кесарийскому в г. Боспор византийского посланника Проба к приазовским гуннам (*Артамонов М.И.*, 1962. С. 92–94; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 86–87) представляется противоречащим данным Псевдо-Захарии.

Миссия епископа Кардоста состояла из восьми священников (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166), но Н.В. Пигулевская почему-то указывала четырех священников (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 84). Псевдо-Захария отмечал, что они попали в «страну гуннов» не через Дербентский проход, а через горные перевалы: «Они не вошли в ворота, но были проведены через горы» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166). Этот маршрут противопоставляется в источнике привычной трассе через Дербентский проход, по которой доставили византийских пленников: «...отправились из пределов персидских в гуннские, прошли за ворота...», «...вывели пленных из пределов ромеев и ввели к гуннам...» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл.

7. С. 166). Священники не могли воспользоваться известной дорогой к гуннам через Дербент, видимо, по каким-то веским причинам. Горный перевал миссия преодолела с помощью проводников – «были проведены через горы». М.И. Артамонов и Ю.Р. Джафаров объясняли выбор миссией пути через горные перевалы опасением священников недовольства сасанидского Ирана христианизацией гуннских племен (Артамонов М.И., 1962. С. 94; Джафаров Ю.Р., 1985. С. 87). А.В. Гадло полагал, что христианская миссия вынуждена была обойти земли мазкутов через горы, т.к. они, как считал А.В. Гадло, в 532–533 гг. совершили «антихристианский» набег на Албанию вместе с савирами (Гадло А.В., 1979. С. 93–94). Однако этим временем у Мовсеса Каланкатуаци датируется набег на Закавказье «хазир».

Ряд фактов, связанных с миссионерской деятельностью албанского епископа Кардоста в «стране гуннов», дают основание предположить, что деятельность его миссии не нашла поддержки официальной православной церкви Армении и Кавказской Албании. Миссия попала в «страну гуннов» практически тайно, минуя общепринятый путь. Албанский историк Мовсес Каланкатуаци, отметивший в своем труде все сколько-нибудь значимые деяния священников Кавказской Албании по приобщению к христианству племен Северо-Восточного Кавказа (как католиков, так и епископов), приравнивая их деятельность к христианскому подвигу, однако никаких сведений о епископе Кардосте не привел и не упомянул о его 14-летнем пребывании среди номадов. Данных о епископе Макаре у него также нет. Игнорирование деятельности этих миссий может быть объяснено приверженностью автора «Истории страны алван» и глав албанских миссий к гуннам в VI в. к разным течениям христианства. И, видимо, неслучайно, что вся информация об их деятельности исходила от сирийцев.

Возможно, миссии епископов Кардоста и Макара внедряли в «стране гуннов» христианство еретического толка. В Кавказской Албании в это время получили распространение несколько догматических течений, в том числе несторианство и монофизитство (Геюшев Р.Б., 1984. Рис. 2). Особенно сильны были позиции несториан, в VI в. в Пайтакаране существовало несторианское епископство (Касумова С.Ю., 1992. С. 15). Об успехах несторианства в Кавказской Албании писал Мовсес Каланкатуаци (Мовсес Каланкатуаци, 1984. Кн. II. Гл. III, VII, VIII. С. 70, 72–74). Официальные православные церкви Армении и Кавказской Албании вели с несторианством бескомпромиссную борьбу, в частности, католикос Кавказской Албании Тэр Абас (551–596), как сообщал Мовсес Каланкатуаци, «строго расследовав ересь... прогнал из Алуанка скверных проповедников той ереси... Всех сторонников он изгнал в отдаленные места» (Мовсес Каланкатуаци, 1984. Кн. II. Гл. VIII. С. 74).

Несторианство проникло в Кавказскую Албанию из сасанидского Ирана, где христианская церковь исторически сложилась как сироперсидская с преимущественно сирийским населением (Пигулевская Н.В., 1979. С. 191–210). Распространение христианства в Иране было связано главным образом с переселением значительных масс христианского населения Византии в Иран в период завоевательных войн Сасанидов, начиная с правления Шапура I (243–273). Эта практика продолжалась и в последующие исторические периоды, в том числе и в VI в. (Пигулевская Н.В., 1979. С. 196). Догматические споры в христианстве затронули и сироперсидскую церковь (вторая половина V – первая половина VI в.), приведя ее к расколу на несторианскую и монофизитскую ветви. Как несториане, так и монофизиты пользовались достаточно большим влиянием при дворе персидских шахов, которые манипулировали интересами сирийских христиан в своей борьбе с Византией (Пигулевская Н.В., 1979. С. 204–210, 225–226).

Псевдо-Захария не привел определенных данных о характере христианской религии, распространенной албанскими епископами Кардостом и Макаром как среди византийских пленников (видимо, преимущественно сирийцев), так и в среде местного гуннского населения. Учитывая сильные позиции несторианства в Кавказской

Албании в первой половине VI в., это могло быть христианское учение несторианского толка. Однако сам источник, содержащий данные об их деятельности, – «Хроника» Псевдо-Захарии Митиленского, исследователи относят к монофизитским сочинениям (*Пигулевская Н.В.*, 1979. С. 226). Это также дает основание предполагать приверженность албанских епископов монофизитству, что объясняет внимание сирийского монофизита Псевдо-Захарии к их деятельности. В то же время в источнике отмечается большое внимание к деятельности албанских епископов в «стране гуннов» как официального посланника византийского двора Пробоса, так и лично самого императора Юстиниана I. Однако представителям еретических церквей, деятельность которых (несторианских и монофизитских церквей) была запрещена в Византии, не могла быть оказана поддержка официальными лицами Византии. Поэтому вопрос о направленности учения албанских миссий в «стране гуннов» в 30–50-е гг. VI в. остается открытым.

Албанских священников миссии Кардоста интересовала в первую очередь, как показывают данные источника, судьба пленников-христиан, выходцев из сирийской провинции Византии, а также их потомков, родившихся в неволе. Мнение Н.В. Пигулевской о преимущественной задаче миссии по христианизации гуннских племен, используемой как мирное средство для их покорения (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 86), не соотносится с содержанием текста источника, в котором основным объектом христианизации выступают «дети мертвых», т.е. потомки пленников-христиан, родившиеся в неволе и в силу этого оставшиеся некрещеными.

Сведения об этой стороне миссии епископа Кардоста содержатся в части повествования о ней, составляющей предысторию. Со слов епископа, переданных сирийским автором, «... явился ангел человеку, по имени Кардост, епископу земли Аран, как этот епископ сообщил, и сказал ему: «С тремя добродетельными священниками пойдите в долину и примите от меня слово, посланное тебе от господина духов, потому что я распоряжаюсь этими пленными, что из ромейских пределов вошли в область языческих народов. Я представил их молитвы богу, и он сказал мне то, что я сказал тебе». Когда этот Кардост, что переводится по-гречески Теоклетос, а по-арамейски «призванный богом», с усердием отправился в долину с тремя священниками, сказал им ангел: «Пойдите, вступите в область [языческих] народов и крестите детей мертвых, поставьте им священников, дайте им таинства, подкрепите их... Когда они прибыли, они говорили с пленными, многих окрестили, и обучали [некоторых] из гуннов. Они оставались там семь лет и выпустили там писание на гуннском языке» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166).

Под «детьми мертвых» автор явно подразумевал потомков умерших в неволе у гуннов христиан. Они родились на чужбине и в силу этого были некрещеными, но признавали себя христианами (их молитвы ангел «представил Богу»). Детям амидских пленников к началу христианской миссии Кардоста могло быть 30 лет и меньше. По всей вероятности, население, составлявшее потомков христиан-пленников среди гуннского местного населения, было значительным, т.к. вопрос об их крещении стал проблемным для христианских церквей Востока.

Во время набегов на страны Закавказья и Передней Азии номады Северо-Восточного Кавказа уводили часть местного населения в плен. Об «увводе в рабство» гуннами Прикаспия населения стран Передней Азии в результате похода 395/396 г. сообщал сирийский автор Иешу Стилит (*Иешу Стилит*, 1940. § 9. С. 131), о «множестве пленных», захваченных гуннами в 451 г. в подвластных Персии странах, писал ранний армянский историк Егише (*Егише*, 1971. Гл. 7. С. 116), об освобождении «из полона [многих] армян, иверов и алуанцев», угнанных тюрками во время кампании 627–630 гг., рассказывал албанский историк Мовсес Каланкатуази (*Мовсес Каланкатуази*, 1984. Кн. II. Гл. XI. С. 79; Гл. XIV. С. 90; Кн. III. Гл. XXIV. С. 171), он же отмечал факт захвата «жителей Алуанка..., гаваров Айрарата и страны Сюник» царем «страны гуннов» в 664 г. и последующем освобождении из низ «1200 пленных»

(*Мовсес Каланкатуацци*, 1984. Кн. II. Гл. XXVI. С. 102–103), а также писал об уgone «всех в полон» из области Ути Кавказской Албании в 669 г. (*Мовсес Каланкатуацци*, 1984. Кн. II. Гл. XXXVI. С. 120–121).

Несвободное население «страны гуннов» пополнялось также за счет рабов, приобретенных на рабских рынках. В этой связи показательна судьба двух подданных Византии – Иоханана из Рейшайны, послушника монастыря Бет Айсхакуни у г. Амида, и кожевника Томаса. Оба попали в плен во время осады персами города Амида и были уведены в Персию, где их продали гуннам. В неволе они прожили 34 года, «... взяли жен, породили там детей». В Сирию бывшие пленники возвратились более чем через 50 лет.

Христианская миссия епископа Кардоста, имевшая цель «крестить детей мертвых, поставить им священников, дать им таинства и подкрепить их», за 14 лет пребывания в «стране гуннов» практически выполнила эти установки – «говорили с пленными и многих окрестили». Задача дать «таинства», т.е. ознакомить с содержанием Писания, однако, несколько осложнилась. Препятствием, по-видимому, стал языковой барьер. В плен к гуннам Прикаспия попадало разноязычное население, как подвластное Византии, так и Персии, а также из стран Закавказья. На рабских рынках Востока приобреталось также разноязычное население.

Для пленников и рабов «страны гуннов» местный «гуннский» язык являлся, как представляется, языком межэтнического общения. А для потомков этой категории населения «гуннский» язык был, вероятно, уже родным языком, т.е. языком общения. Это обстоятельство могло стать одной из главных причин необходимости перевода Библии на местный язык. Другая причина была обусловлена просветительской деятельностью среди местных племен, язык которых и был «гуннский», т.е. язык утвердившихся в Прикаспии кочевников. По данным источника, работа по переводу Писания длилась семь лет, и в 544 г. (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 87) оно вышло на «гуннском языке».

Просветительская деятельность миссии епископа Кардоста среди местных племен была незначительной. Псевдо-Захария отметил, что «обучали [некоторых] из гуннов».

Переводу Библии на «гуннский» язык предшествовали изучение языка кочевников и составление алфавита на нем. Факт перевода Библии на «гуннский» язык интерпретируется исследователями как начало письменности в «стране гуннов», датированное 40-ми гг. VI в. (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 84, 87). Алфавит какого языка послужил основой для составления алфавита «гуннского» языка, не известно. Н.В. Пигулевская предположила, что гунны Прикаспия в VI в. обладали навыками согдоманихейского или согдийского письма, являвшегося основой тюркского письма (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 87).

Однако перевод Писания был осуществлен албанской христианской миссией и, вероятно, языком-основой для гуннской письменности послужил албанский язык. В конце IV в. в Армении и в V в. в Грузии и Кавказской Албании были составлены алфавиты на основе сирийского и введена письменность. Ранние исторические сочинения (конец IV–V вв.) Закавказья написаны на древнеармянском языке (Корюн, Фавстос Бузанд, Агафангел, Моисей Хоренский, Егише Вардапет и др.). В Кавказской Албании расцвет албанской письменности пришелся на V–VII вв., а в конце V – начале VI в. албанское письмо использовалось и в переписке с другими государствами (*Тревер К.В.*, 1959 С. 309). Епископ Кардост возглавлял христианскую церковь области Аран, населенной албаноязычным населением (*Тревер К.В.*, 1959. С. 310). Языком богослужения албанской церкви до VII в. был албанский язык, с VII в. проповеди стали читаться на древнеармянском языке, т.к. албанская церковь стала рассматриваться как часть древнеармянской (Тревер К.В., 1959. С. 310). В Персии читали Писание и отправляли богослужение на сирийском языке (*Пигулевская Н.*, 1979. С. 197), в Грузии языком богослужения был грузинский язык (*Тревер К.В.*, 1959. С. 310).

В «Истории страны алван» имеется несколько пассажей, свидетельствующих о

наличии письменности в «стране гуннов» в 80-е гг. VII в. В первом пассаже сообщается о том, что албанский епископ Исраил, проводивший христианизацию среди гуннов, посоветовал их правителю «письменно сообщить всему народу Алуанка и хайрапету Елизару» о его просьбе учредить отдельную гуннскую церковь во главе с Исраилом (*Мовсес Каланкатуаци*, 1984. Кн. II. Гл. XLII. С. 132). В источнике помещены копии двух грамот (посланий) великого князя «страны гуннов» Алп-Илитвера. Одна адресована главе албанской церкви хайрапету Елизару и правителю Кавказской Албании князю Вараз-Трдату (*Мовсес Каланкатуаци*, 1984. Кн. II. Гл. XLIII. С. 133), другая – главе армянской церкви епископосапету Сахаку и правителю Армении князю Григору (*Мовсес Каланкатуаци*, 1984. Кн. II. Гл. XLIV. С. 133). В обоих посланиях содержалась просьба учредить независимую церковь в «стране гуннов» во главе с Исраилом – просветителем гуннов. В ответном послании духовного и светского правителей Армении к царю «страны гуннов» дважды упоминается о полученном «письме» и делаются ссылки на его содержание (*Мовсес Каланкатуаци*, 1984. Кн. II. Гл. XLV). Все копии документов представлены в источнике на древнеармянском языке, о языке оригиналов документов автор нечего не говорит.

Вероятность использования при составлении в сер. VI в. гуннского алфавита албанской азбуки велика, но проблемным является вопрос об албанской письменности, находящейся в стадии разработки (*Тревер К.В.*, 1959. С. 312, 335–338. Табл. 34–35; *Халилов Дж. А.*, 2003. С. 365. Табл. 169, 13–16; *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.*, 1996. С. 145. Прим. 69).

Приоритет христианизации потомков пленников-христиан в «стране гуннов» в деятельности миссии епископа Кардоста подтверждается еще одним сообщением «Хроники» Псевдо-Захарии, содержащим информацию о прибытии к гуннам Прикаспия посольства византийского императора. Автор сообщил: «Случилось в то время, что был послан туда Пробос с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с [языческими] народами. Когда он узнал относительно гуннов от этих святых и был осведомлен относительно пленных, он весьма возревновал и пожелал повидать их. Он увидел их, был ими благословлен и очень почтил их в глазах этих народов. Когда наш император узнал от него относительно события, совершенного так господом, как выше описано, из городов под ромейской державой, расположенных поблизости, было погружено тридцать мулов, и он послал их с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью. Мулов он дал им в подарок, так как Пробос был муж верующий, мягкий и был усерден в таких добрых делах, как это» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166).

Точная дата нахождения в «стране гуннов» византийского посольства в источнике не указана. Автор «Хроники», однако, отметил, что византийское посольство прибыло в «страну гуннов» «в то время», имея в виду период деятельности миссии Кардоста, а конкретно, – во время подготовки ею Писания на «гуннском языке», проходившей в период с 537 по 544 гг. Хронологию византийского посольства Пробоса к прикаспийским гуннам можно определить, исходя из данных источника, как – 40-е гг. VI в. – Посланник Пробос, как отмечено в источнике, прибыл в «страну гуннов» для вербовки наемников среди гунно-савирских племен. Дата посольства к прикаспийским гуннам 40-е гг. VI в. вполне укладывается в военно-политические события этого времени. В 540–545 гг. шли напряженные военные действия между Персией и Византией (*История Византии*, 1967. С. 331–333). Псевдо-Захария указал на факт личного участия византийского императора в облегчении участи пленников-христиан «страны гуннов». Император был информирован посланником Пробосом о просветительской деятельности албанских священников среди пленников-христиан в «стране гуннов». К пленникам от имени императора был направлен караван из 30 мулов с церковной утварью и продуктами (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166.). Н.В. Пигулевская в составе каравана указала почему-то 13 мулов и не упомянула о церковной утвари в нем (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 86). В литературе

факт направления каравана с христианскими атрибутами и продуктами, перечень которых (вино, масло, лен, пшеница, плоды) свидетельствует о традиционном наборе продуктов питания населения стран, выходцами из которых были гуннские пленники, необоснованно интерпретируется как послание даров гуннским племенам, чтобы способствовать успеху христианизации среди них (*Лигулевская Н.*, 1941. С. 86; *Гмыря Л.Б.*, 1995. С. 116–117).

Имя императора, чьим посланником был Пробос, в источнике не названо, но определение автора «наш император» по отношению к правителю, принявшему личное участие в судьбе гуннских пленников, указывает на то, что речь в источнике идет об Юстиниане I (527–565), правление которого вписывается в составление автором в 555 г. текста о перипетиях амидских пленников. Юстиниана, «сидящего царем в наши дни», т.е. в 555 г., автор упомянул в начале главы седьмой, указывая на дату составления авторского текста.

В середине VI в. разразилась новая ирано-византийская война (550–555 гг.) из-за Лазики (владение Византии на Черноморском побережье Кавказа. – Авт.). По данным византийских источников, наемные отряды прикаспийских савир принимали в этой кампании активное участие, выступая на стороне обоих противников (*Гмыря Л.Б.*, 1995. С. 196–198; 2002б. С. 166–167). Возможно, именно для этой войны набирал гуннских воинов посланник императора Пробос. Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский описал, как и Псевдо-Захария, аналогичную историю с посольством к гуннам-савирам Прикаспия, датируемую 550 г.: «Случайно в этом войске римлян (осаждавших г. Петру. – Авт.) было несколько варваров из племени сабириров, находились они здесь по следующей причине. Сабиры являются гуннским племенем, живут они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу одни с римским императором, другие с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности. Так вот и тогда император Юстиниан, призывая своих сторонников из сабириров на войну и прося прислать союзные отряды, отправил к ним некоего человека с деньгами. Ввиду того, что враждебные им племена занимали все пространство между ними и римлянами и идти в Кавказские горы особенно с деньгами представлялось далеко не безопасным, этот человек, прибыв к Бессу (римский полководец. – Авт.) в римский лагерь, где они находились, осаждая Петру, послал к сабирам людей с извещением, чтобы они возможно скорее прибыли к нему за получкой денег. Варвары, выбрав троих из своих начальников, с небольшим отрядом отправили их в область лазов. Прибыв туда, они вместе с римлянами приняли участие в этом нападении на стены Петры» (*Прокопий Кесарийский*, 1950. Кн. VIII. 11. 22–26. С. 4–7). Город Петра был взят византийцами в 551 г.

Пробос Псевдо-Захарии идентифицируется в литературе с Пробом Прокопия Кесарийского (*Гадло А.В.*, 1979. С. 80, 94; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 85–86). Более того, события пребывания Проба в 522 г. в Боспоре с целью вербовки приазовских гуннов для очередной военной кампании ирано-византийской войны, о чем сообщил Прокопий Кесарийский, синхронизируются с событиями, описанными Псевдо-Захарией, относящимися к прикаспийским гуннам. Деятельность Пробоса Псевдо-Захарии среди прикаспийских гуннов рассматривается некоторыми исследователями и как возмещающая неудачи посольства 522 г. к приазовским гуннам (*Гадло А.В.*, 1979. С. 80; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 86). Однако визит Пробоса к приазовским гуннам и его посещение прикаспийских гуннов разделяет временной промежуток примерно в 20 лет, в силу чего оба события не могут быть совмещены. Вполне возможно, что посланником Византии в обоих случаях был патрикий Проб (Пробос), племянник императора Анастасия (491–518). К тому же византийские посольства к гуннам Прикаспия и гуннские в Византию не были чем-то необычным явлением, что нашло отражение в письменных источниках.

Деятельность христианских священников в «стране гуннов» исчисляется по данным источника, 18 годами (537–555 гг.), но, видимо, она была более длительной. Сирийский автор, составляя в 555 г. текст седьмой главы «Хроники», отмечал, что миссия епископа Макара, сменившая в 551 г. миссию епископа Кардоста, продолжала работать – «...они там до настоящего времени» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 167). По данным Псевдо-Захарии, епископ Кардост, пробыв в «стране гуннов» 14 лет, едва начал просветительскую деятельность среди номадов – «обучали [некоторых] из гуннов». Деятельность епископа Макара охватила более широкий круг гуннских племен: «Через четырнадцать лет он (Кардост) ушел, и там был другой армянский епископ, по имени Макар, он был хорошо подготовлен и вступил туда по своей воле вместе с священниками. Он построил церковь из кирпичей, насадил растения, посеял различные семена, совершил знаменья и многих крестил. Когда властители этих народов увидели что-то новое, они очень удивились и обрадовались мужам, почитали их и каждый звал их в свою сторону к своему племени и просил, чтобы они были ему учителями» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166–167).

По данным Псевдо-Захарии не восстанавливается местоположение конкретной области «страны гуннов», подвергшейся миссионерской деятельности албанских священников. Некоторые исследователи полагали, что она находилась «во внутренней Гунии» (*Артамонов М.И.*, 1962. С. 94; *Гадло А.В.*, 1979. С. 94), понимая под ней владения приазовских гуннов. Однако такая интерпретация данных источника не находит подтверждения. Несомненно, Псевдо-Захария сообщал о событиях, происшедших среди прикаспийских гуннов (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 87; *Шихсаидов А.Р.*, 1957. С. 60–61; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 84–86; *Гмыря Л.Б.*, 1995. С. 246; 2002б. С. 168). Возможно, что христианизации подверглись гуннские племена, не вошедшие в союз прикаспийских гуннов, возглавлявшийся в 30-е гг. VI в. правительницей Боарикс. У Псевдо-Захарии речь идет о «властителях этих народов», которые звали проповедников «в свою сторону к своему племени» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 167), т.е. о правителях разных племен, а не о «царе» или правителе союза племен.

Если Псевдо-Захария повествует о пленниках в «стране гуннов» и их детях, родившихся в неволе, как о населении, придерживавшиеся традиционного для своей среды вероисповедания (христианство), то уже через 145 лет после начала миссии Кардоста, в 682 г. албанский епископ Израил застал в «стране гуннов» христиан, для которых была характерна синкретическая религия (двоеверия), включавшая основные положения христианства и местного язычества.

На основе сведений Псевдо-Захарии и Мовсеса Каланкатуаци восстанавливаются некоторые адаптационные поведенческие механизмы христианского населения (пленников и рабов) в процессе их вживания в иноконфессиональную и инокультурную среду.

При выявлении особенностей этого процесса важно определить степень несвободы этой категории населения «страны гуннов» и уровень в социальной стратификации местного общества. Высшую ступень в социальной стратификации «страны гуннов» занимал великий князь, в имени которого (Алп-Илитвер) исследователи просматривают звание эльтебер, третье по значимости в иерархии Тюркского каганата (*Кляшторный С.Г.*, 1984. С. 21). Среди ближайшего окружения великого князя находились князья (главы племен) и тарханы (военное сословие из знатных людей) (*Гадло А.В.*, 1979. С. 148; *Новосельцев А.П.*, 1990. С. 118–119). Все мужское население составляло войско. Особое положение занимало жречество, в среде которого существовала культовая иерархия. Несвободное население – пленники, захваченные в военных походах, и рабы, приобретенные на рабских рынках, занимали последнюю ступень в социальной стратификации гуннского общества (*Гмыря Л.Б.*, 1980. С. 9–10; 1988. С. 113–114; 1995. С. 168–178, 207–212, 241–243; 2002в. С. 282–283).

Для времени VI в. в письменных источниках нет данных о сферах применения труда пленников и рабов в «стране гуннов». Н.В. Пигулевская оценивала факт покупки рабов гуннами Прикаспия как свидетельство «о потребности в рабочей силе в

новых условиях жизни союза племен» (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 85), имея в виду переход гуннов к полuosедлости в VI в. Но гунны захватывали пленных и в предшествующий период (IV–V вв.).

Сведения VII в. свидетельствуют об использовании плененных женщин и подростков в качестве слуг при представителях высшего класса. В источниках имеются данные о применении в хозяйстве номадов Прикаспия труда пленных ремесленников (*Мовсес Каланкатуаци*, 1984. Кн. II. Гл. XIV. С. 86, 90–91). Часть рабского населения становилась собственностью воинов – участников военных походов, и использовалась на хозяйственных работах отдельных семей. Мовсес Каланкатуаци, описывая события 692 г., когда Кавказская Албания была захвачена тюрками, отмечал, что, несмотря на приказ царевича тюрков освободить пленных, воины скрывали их, не боясь «сурового наказания». Только после вмешательства «знатных мужей», которые «стали проверять шатры и палатки», выискивая пленных («мужчин, женщин, девиц и отроков»), «спрятанных под скарбом или среди скота», их освободили (*Мовсес Каланкатуаци*, 1984. Кн. II. Гл. XIV. С. 90).

Очевидно, рабский труд женщин, детей и частично мужчин-ремесленников не мог оказать существенного влияния на характер социально-экономического развития «страны гуннов».

Несмотря на то, что пленники и рабы заводили в неволе свои семьи, рождали детей, как отмечал Псевдо-Захария, однако они относились к категории несвободного населения, насильственно внедренного в чуждую культурную и конфессиональную среду. Скорее всего, они не обладали какими-либо правами в жизни местного общества. Псевдо-Захария отметил, что во время встречи с пленными христианами посланник византийского императора «очень почтил их в глазах этих народов», т.е. оказал им намеренное почтение, уважение, несмотря на занимаемый ими низкий социальный статус в «стране гуннов».

Информация Псевдо-Захарии о пребывании посланника византийского императора в «стране гуннов» Прикаспия, как отмечалось, интерпретируется исследователями неоднозначно. В частности, содержание пассажа, описывающего деятельность Пробоса в «стране гуннов»: «Когда он узнал относительно гуннов от этих святых и был осведомлен относительно пленных, он весьма возревновал и пожелал повидать их. Он увидел их, был ими благословлен и очень почтил их в глазах этих народов» (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 12. Гл. 7. С. 166), Н.В. Пигулевская и Ю.Р. Джафаров объяснили следующим образом: Пробос пожелал повидать священников миссии Кардоста, увидел их, был благословлен священниками, Пробос почтил священников в глазах гуннов (*Пигулевская Н.*, 1941. С. 86; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 83). Однако содержание этой части текста источника не дает возможности интерпретировать его таким образом. Псевдо-Захария указывал, что византийский посланник узнал о гуннах и пленных христианах «от этих святых», т.е. священников миссии Кардоста. Далее автор отметил, что посланник «весьма возревновал и пожелал повидать их», т.е. позавидовал, что в облегчении участи подданных Византии, находившихся в рабстве у гуннов, такое большое участие приняли албанские священники, а не византийцы. Далее автор сообщил, что Пробос «пожелал повидать их», т.е. пленников-христиан, и «увидел их», т.е. соотечественников. При встрече византийский посланник «был ими благословлен», т.е. получил благодарность от пленников за участие в их судьбе. В свою очередь Пробос «почтил их в глазах этих народов», т.е. почтил пленников. Автор также отметил, что по прибытии каравана с дарами пленникам от императора Пробос «мулов дал им в подарок», т.е. подарил тридцать вьючных животных пленникам. Имеется, однако, мнение, что мулы были переданы албанским священникам (*Джафаров Ю.Р.*, 1985. С. 83).

Сохранение конфессиональной принадлежности в среде христиан-пленников является признаком веротерпимости по отношению к ним местной власти. Это явление важно на фоне борьбы с отдельными эпизодами принятия христианства гунн-

ским населением, относящимся к VI в., когда принявшие христианство представители высших слоев гуннского общества вынуждены были покинуть родину (*Псевдо-Захария*, 1941. Кн. 9. Гл. 3. С. 162). Сохранение пленниками своей христианской принадлежности в чуждой среде языческих племен является показателем отстранения себя от инокультурной среды местного населения. Однако восприятие языка господствующего этноса (гуннов), являвшегося, как представляется, языком межэтнического общения среди разноязычного несвободного населения (пленников и рабов), а также между несвободным и гражданским населением (гуннами), свидетельствует о выработке одного из адаптационных поведенческих механизмов, способствовавшего восприятию культуры местного населения.

Выработка адаптационных поведенческих механизмов различными этносами и конфессиональными группами «страны гуннов» в условиях контактирования в хозяйстве, быту, культуре, религии и других сферах деятельности демонстрирует формирование навыков толерантности среди участников этого процесса. А выработка двоеверия у несвободного населения (пленники, рабы), исповедовавшего христианство с элементами язычества местных племен, являлась важным адаптационным механизмом, облегчавшим приспособление представителей иноэтнического населения к чуждой среде, а в конечном счете – приво дившем к их выживанию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агафий*, 1953. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и прим. М.В. Левченко. М.–Л. *Артамонов М.И.*, 1962. История хазар. Л.
- Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.*, 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.
- Гадло А.В.*, 1979. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л.
- Гадло А.В.*, 1980. Религиозная реформа в «стране гуннов» в VII в. как выражение социального конфликта периода становления классового общества // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. ТД. Махачкала.
- Гадло А.В.*, 1986. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник ГУ. Сер. 2. Вып. 1.
- Геюшев Р.Б.*, 1984. Христианство в Кавказской Албании (по данным археологии и письменных источников). Баку.
- Гмыря Л.Б.*, 1980. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане (IV–VII вв. н.э.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Гмыря Л.Б.*, 1986. Языческие культы у гуннов Северо-Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 1988. Об общественных отношениях у гуннов Северо-Восточного Кавказа VI–VII вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 1999. Образ мифического богатыря Аспандиата в религиозной системе «страны гуннов» Прикаспия // Кавказ и Древний Восток. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 2000а. Этапы христианизации населения Западного Прикаспия (IV–VIII вв. н.э.) // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Гмыря Л.Б.*, 2000б. Поминальные обряды населения Прикаспийского Дагестана времени Великого переселения народов (IV–VII вв.) // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Материалы международной конференции. Махачкала.
- Гмыря Л.Б.*, 2002а. Гунны на Северном Кавказе // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань.
- Гмыря Л.Б.*, 2002б. Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань.
- Гмыря Л.Б.*, 2002в. Хазары на Кавказе // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань.
- Гмыря Л.Б.*, 2002 г. Обряд вызова дождя в стране гуннов Прикаспия в VII в. н.э. по данным армянских и арабских источников // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы конференции. Казань.

- Джафаров Ю.Р.*, 1985. Гунны и Азербайджан. Баку.
- Егише*, 1971. О Вардане и войне армянской / Пер. с древнеармянского акад. И.О. Арбели. Ереван.
- Еремян С.Т.*, 1939. Моисей Каланкатуийский о посольстве албанского князя Варз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки ИВ АН СССР. Т. 7. М.–Л.
- Иешу Стилит*, 1940. Хроника Иешу Стилита / Пер. с сирийского и прим. Н. Пигулевской // Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н.э. 4. П. М.–Л.
- История Византии, 1967. Т. I. М.
- Касумова С.Ю.*, 1992. Христианство (несторианство) в средневековом Азербайджане. Автореф. дис. доктора историч. наук. Баку.
- Кляшторный С.Г.*, 1981. Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М.
- Кляшторный С.Г.*, 1984. Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София.
- Кляшторный С.Г.*, 2002. Степная империя тюрков и ее наследники // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань.
- Кузнецов В.А.*, 2000. Вопросы истории раннего христианства на Северном Кавказе // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Магомедов М.Г.*, 1979. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // СА. № 3.
- Магомедов М.Г.*, 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Магомедов М.Г.*, 1986. Новые раннесредневековые культовые памятники в Приморском Дагестане // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Менандр Византиец*, 1860 / Пер. с греческого С. Дестуниса // Византийские историки. СПб.
- Мовсес Каланкатуацци*, 1861. История агван Моисея Каганкатвацци, писателя X века / Пер. с армянского К. Патканьян. СПб.
- Мовсес Каланкатуацци*, 1961. – The History of the caucasian albanians by Movses Dasxurancı / Translated by C.J.F. Dowsett. London.
- Мовсес Каланкатуацци*, 1984. История страны Алуанк // Пер. Ш.В. Смбатяна. Ереван.
- Новосельцев А.П.*, 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Пигулевская Н.*, 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л.
- Пигулевская Н.В.*, 1979. Культура сирийцев в средние века. М.
- Плетнева С.А.*, 1986. Хазары. М.
- Прокопий Кесарийский*, 1876. Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами в двух книгах / Пер. С. Дестуниса. Книга I. СПб.
- Прокопий Кесарийский*, 1850. Прокопий из Кесари. Война с готами / Пер. с греческого С.П. Кондратьева. М.
- Псевдо-Захария*, 1941. Хроника Захарии Ритора (Митиленского) / Пер. Н. Пигулевской // Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л.
- Тревер К.В.*, 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.–Л.
- Услар П.К.*, 1869. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // ССКГ. Т. 2.
- Федоров Я.А.*, 1972. Хазария и Дагестан // КЭС. Вып. 5. М.
- Феофан Византиец*, 1860. Выписки из истории Феофана / Пер. С. Дестуниса // Византийские историки. СПб.
- Феофан Исповедник*, 1980. Феофан Исповедник. Хронография / Пер. с греческого и комментарии И.С. Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М.
- Фиофилакт Симокатта*, 1957. История // Пер. с греческого С.П. Кондратьева. М.
- Халилов Дж.А.*, 2003. Раннесредневековая Албания в IV–VII веках // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.
- Шихсаидов А.Р.*, 1957. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // УЗ Даг-филиала АН СССР. Т. 3. История. Махачкала.